

ТЕТРАДИ

ФРАГМЕНТ ОЧЕРКА

Герман САДУЛАЕВ

Герман Умаралиевич — российский прозаик и публицист. Автор 12 книг, в том числе романов «Таблетка», «Шалинский рейд», «Иван Ауслендер», «Земля. Воздух. Небо». Лауреат литературной премии «Ясная Поляна» за 2021 год. Родился в 1973 году в Чеченской Республике (тогда Чечено-Ингушская АССР), живёт в Санкт-Петербурге.

НИКТО НЕ ВЫВОЗИТ ЭТУ ЖИЗНЬ

Фрагмент

ВТОРАЯ ТЕТРАДЬ

В 2022 году американские научные журналы опубликовали сенсационные результаты исследований про взаимосвязь серотонина и депрессии. Сенсация была в том, что никакой значимой связи нет. Депрессия бывает и при высоком серотонине, и при низком. При любом уровне серотонина может возникнуть депрессия. Изменение уровня серотонина путём гормональной терапии никак не влияет на течение

депрессии. Между тем большинство лекарств от депрессии увеличивает уровень серотонина. Стало непонятно, помогали ли таблетки или эффект плацебо, или вообще всё это было придумано. И о чём тогда роман Мишеля Уэльбека «Серотонин»? За Уэльбека было особенно обидно. 22 мая 2022 года я обнаружил себя въезжающим в Мариуполь на микроавтобусе вместе с военкорами и волонтёрами. Мы приехали из Донецка, где собрались довольно случайно, кто-то к кому-то прицепился в попутчики. «Азовцы» уже сдались, но в городе продолжалась зачистка. Слышны были взрывы: то ли где-то ещё шёл бой, то ли — разминирование.

Сенсация была в том, что никакой значимой связи нет. Депрессия бывает и при высоком серотонине, и при низком. При любом уровне серотонина может возникнуть депрессия.

Микроавтобус был наёмный, водитель высадил нас на проспекте Металлургов и уехал. Все знали, куда и к кому приехали, группу встретили военные и разобрали гостей, кроме меня. Я делал вид, что я тоже военкор, но я не был никем командирован и даже не имел своего телеграм-канала. Меня почему-то везде пускали и не задавали вопросов. Я говорил, что я Юрий Татаров. И показывал свой паспорт. Действительно, Юрий Татаров — убеждались военные. Как будто это имя что-то значило. Иногда шутили: татарин? Я говорил: русский. Девушка Марина, которую забрали военные, посмотрела на меня и моментально всё поняла. Она сказала: «А ты что стоишь? Пошли». И я подхватил её сумку, свою сумку и пошёл за ней, делая вид, что я — какой-то её помощник. Или продюсер. Или папа. Или... не знаю. Одет я был, как всегда, плохо. Но ботинки на мне были хорошие. И плёночный фотоаппарат висел на шее. Хотя я и не знал, как им пользоваться. Город был сожжён и разрушен. Я впервые видел большой город, подвергшийся таким разрушениям. Посёлки под Дебальцево — это посёлки. Мне пришёл на ум Дрезден. Курт Воннегут. Бойня номер девять. Мы шли. Под ногами хрустели битые стёкла, шуршала бумага, скрипело бетонное и кирпичное крошево. Иногда на периферии взгляда оказывались какие-то холмики чего-то, тряпья, что ли, или мусора, или... не знаю.

Мозг отказывался идентифицировать. Ведь, для того чтобы что-то увидеть, мы должны знать, что это — то, что мы видим. Если мы знаем, как выглядит собака, то мы смотрим и видим собаку. Но если мы видим нечто, чего мы не знаем, то мы этого не видим. Нам нужно подобрать аналогию. Однажды мы прошли очень близко, и я узнал в холмике мусора, лежащем на детской площадке, труп полноватой женщины, и после во всех холмиках на периферии зрения я безошибочно угадывал мёртвых людей. Зрительная идентификация дополнительно верифицировалась обонянием. Тысячу раз я читал в военной литературе, что разлагающиеся тела источают запах: «сладковатый», «тлетворный», «тошнотворный», «тяжёлый» и так далее, — но у меня возникла ассоциация с тухлым мясом; где-то я такое уже чувствовал, от кого-то так пахло — может, от рук моей Клэр, прекрасной Клэр, тонкой девушки, которая работала мясником в мясной лавке. Я подумал о Клэр, и мой член стал затвердевать. Конечно, из-за Клэр, а не из-за трупов. И ещё потому, что я долго ехал в неудобной позе. Это Клэр и микроавтобус, а не запах гниющих тел и не покачивающиеся впереди меня бёдра Марины. Марина будет мне как дочь, так я решил. Пришли в распорягу, и Марина начала кого-то интервьюировать, записывать на телефон, а я фотографировал, ну или делал вид, в общем, плёнку

Ведь, для того чтобы что-то увидеть, мы должны знать, что это — то, что мы видим.

Местный рассказывает, хотя его никто ни о чём не спрашивал: Мариуполь — русский город. Здесь все говорили по-русски. Даже те, кто записался по паспорту украинцем, и те мовы не знают.

я вставил, может быть, что-то такое и получилось бы из этих фотографий. Присели покурить, кто-то достал хлеб и колбасу, и откуда-то из ада выползла адская тварь: одноглазая, с посечённым ухом и перебитой ногой, когда-то трёхцветная, а теперь выцветшая и замазанная в камуфляж, — словно бы кошка и словно бы замаякала, но таким словно бы глухим, предсмертным хрипом. Марина сказала: ах, какая милая кошечка! Взяла её на колени, стала гладить и кормить колбасой. Тварь ела и рычала. Марина скормила ей свой кусок колбасы и на вытянутых руках передала мне: «Юр, мы возьмём её с собой». «Куда с собой? — подумал я. — Мы что, уже живём вместе?» Молча кивнул и взял тварь. Ничего, избавлюсь от неё по дороге. Сейчас, спустя несколько месяцев, я понимаю, что трупов не могло быть так много. Всё-таки трупы убирали. Военные убирали, медики, местные жители прикапывали тут же, на детских площадках. Может быть, я видел всего один настоящий труп — ту самую женщину, полную или распухшую от гниения. А потом любые кучки тряпья или мусора казались мне трупами. И ещё Клэр. Её руки могли пахнуть мясом, но хорошим, свежим мясом. Едва ли Клэр пахла тухлым мясом. В её лавке всё было очень чисто и аккуратно. Конечно, мне, вегетарианцу, запах любого мяса мог показаться тошнотворным. Хотя мне нравится запах шашлыка. Однажды

я услышал этот запах здесь, у обгорелого танка. Видимо, танкист сгорел внутри. Но Марина действительно не вызывала у меня никаких чувств. Я давно не пью никаких таблеток. Ни золотфа*, ни эглонила**, ни каликсты***, хотя силденафила**** я тоже не пью. Незачем. У меня никого нет. Так что странно, что у меня случился этот стояк. Даже по утрам — обычно ничего. А тут на тебе. Наверное, просто застой крови в малом тазу. Отсидел и оттряс в микроавтобусе. Морпехи везут нас в Сартану, к чеченцам. Мы на «ниве»: водитель-морпех, морпех на переднем сиденье, на заднем — Марина, местный, я, тварь — у меня на коленях. Тварь мне не доверяет, и я это чувствую. При каждой встряске она впивается в меня когтями, якобы чтобы не упасть, на самом деле показывает, что готова постоять за себя. Хрипит и вытягивает голову в сторону Марины. Но Марине плевать. Она что-то листает в своём смартфоне. Местный рассказывает, хотя его никто ни о чём не спрашивал: Мариуполь — русский город. Здесь все говорили по-русски. Даже те, кто записался по паспорту украинцем, и те мовы не знают. Все русские. А я грек. Потому что это греческий город. Это греки его основали, которых Екатерина Вторая переселила сюда из Крыма, там мы жили, в долине Марии, около Бахчисарая, и название сюда перенесли, Мариуполь. Ну как греки. Это они так потом стали называться, греками. Потому что у них были греческая

* Антидепрессант.

** Нейролептик.

*** Антидепрессант.

**** Препарат, назначаемый при эректильной дисфункции, также известен как «Виагра».

вера и греческий язык. То есть у нас. А вообще-то мы готы. Тут же, ещё в пятидесяти километрах от Мариуполя, есть посёлок Мангуш. Туда греки переселились с крымского Мангупа, сейчас там село Ходжа-Сала. Мангуп был столицей готского княжества Феодоро, в котором и мы, марийские греки, жили. То есть готы. А знаете, какое расстояние в Крыму от Бахчисарая до Ходжа-Салы? Двадцать один километр. Но я по линейке посчитал, сколько от долины Марии до Мангупа, и как вы думаете? Пятнадцать километров! Ну, может, шестнадцать. Вот ведь как. Книга «Зогар»: что наверху, то и внизу. Адам Кадмон. То есть там, на небе, есть Мангуп и Мариуполь, а здесь — земная проекция, и даже пропорции сохранены, вы только подумайте! Так что Мариуполь — готский город. А хохлы... Что хохлы? Хохлов тут и не было никогда. При Никите Хрущёве хохлы приехали. Во время Русской весны, 9 мая 2014 года, город заняли донецкие, ДНР. Но в июне того же года ВСУ вернулись. Сепаратистов, как они говорили, стали ликвидировать. Убили многих, замучили. Народ затих. Но русских ждали. Хотя хохлы здесь оставили областное СБУ и полк «Азов» расквартировали. «Азовцы» все рунами татуированы, говорят, что они и есть готы. А какие они готы? Мы — готы. Греки, которые теперь русские. Вот настоящие готы. А эти татуированные — они рагули. Готы — в Крыму, они

с генуэзцами воевали. А эти: Украина це Еуропа. Манкурты. Я подумал: опять эти готы. Люди жили в подвалах. Март, апрель. В мае начали возвращаться в квартиры. У кого было куда возвращаться. Бои постепенно сходили на нет. Но подвалы всё равно притягивают. Наверное, уже привычка. Или атавизм проснулся — пещерная жизнь. И огонь. Готовят на огне во дворах. Газа и электричества нет. В городе осталось сто тысяч человек. А может, и двести тысяч. Хотя выезжают каждый день. На блокпостах контроль, фильтрация. Всех мужчин раздевают. Ищут татуировки. Если нет татуировок — можешь уезжать. Есть татуировки — в подвал. Моя мечта сбылась. Татуированных жёстко задерживают, упаковывают и волокут в подвал. Там, в подвалах, специалисты будут разбираться, сверять по справочникам татуировки: «Азов» это, «Правый сектор», ВСУ или просто человек в тюрьме сидел. Или работал бариста, кофе-ту-гоу разливал, а руки набил, чтобы круто было и чтобы девки вешались. Тюремные татуировки спасают. А бариста на всякий случай не отпускают. Х...р его знает, бариста он или не бариста. Татухи brutальные. Пусть посидит. Моя мечта сбылась. Татуированных ломают и нередко пиз...т руками, ногами и прикладами. Моя мечта сбылась. Но как-то уж очень извращённо она сбылась. Чеченцы в Сартане фильтруют на выход. Чеченцы не любят татуированных. Говорят: это

Но подвалы всё равно притягивают. Наверное, уже привычка. Или атавизм проснулся — пещерная жизнь. И огонь.

Мариуполь наш. Казалось, что это предвестник скорой победы. Хотя в апреле и ушли из-под Киева. Ничего. Зато Мариуполь наш.

клеймо сатаны. В символах не разбираются. Пиз...т всех. Хотя вот наш морпех, который нас привёз, позывной Велес, он язычник и не забит. Другой морпех, позывной Тор, — тоже язычник, но руки и шея забиты. И они оба — наши, русские. Х...р поймёшь, в общем. Велес говорит: срок процентов двухсотых — от дружественного огня. Своя своих не познаша и разь...-баша. Тор говорит: шестьдесят. В общем, настроение у всех было приподнятое, радостное. Комбинат взяли. «Азовцы» сдались. Вышли на «экстракшен» и «эвакуэйшен», ха-ха. Мариуполь наш. Казалось, что это предвестник скорой победы. Хотя в апреле и ушли из-под Киева. Ничего. Зато Мариуполь наш. И «Азов» эвакуировали. Никто ещё не знал, что взятие Мариуполя станет последним крупным успехом русских войск в этой войне, а дальше будут только отступление и сдача территорий. И что эвакуированных «азовцев» действительно эвакуировали, а не взяли в плен, никого не осудят и не казнят, всех подлечат, сохранят и вернут с почётом на Украину в обмен на Медведчука, только нескольких успеют убить сами же ВСУ ракетой в лагере под Еленовкой.

* Обсессивно-компульсивное расстройство, иначе — невроз навязчивых состояний.

** Самадхи — состояние, достигаемое медитацией, которое выражается в спокойствии сознания, снятии противоречий между внутренним и внешним мирами, подводит человека вплотную к нирване.

Взял в руки телефончик, глянул телеграм. Кто-то написал: началось. Помоги нам Бог! Было раннее утро. Я зашёл по ссылке. Владимир Путин объявлял о начале специальной военной операции. Я дослушал до конца. Стало ровно, спокойно. Редактор, готовящий к изданию мой пересказ «Вишну-пураны», спросил меня: почему вы переводите *самадхи*** как равное созерцание? Что значит равное созерцание? Может, правильнее будет — чистое созерцание? Я ответил: нет, это буквальный перевод. *Сама-дхи*. Равным видеть. Видеть всё равным, единым и одинаковым. У меня было самадхи. Я лёг спать. Я увидел себя *маха-пурушей*, великим человеком, космической личностью, только на этот раз я был социальным телом, и это социальное тело было не всечеловеческим, а русским. Я увидел себя Россией. Я, Юрий Татаров, был Россией, вернее, я, как сказано в «*Пуруша-сукте*», был на десять пальцев выше, дальше, на периферии, но Россия была моим космическим, моим социальным телом. Россия была моим телом. Горы, дороги, мосты и города были моим скелетом, леса и травы — волосками на моей коже, армия была моей правой рукой, а спецслужбы — левой, моим рептильным мозгом был Дугин, а мозжечком — Чадаев, левым полушарием — Прилепин, правым полушарием — Пелевины, оба, корой мозга были блогеры тысячи самых цитируемых

* * *

24 февраля я не мог уснуть. Ходил взад-вперёд по коридорчику и кухне. Словно у меня ОКР*. Но у меня не было ОКР. Просто не спалось. Настроение было не депрессивное. Скорее, маниакальное.

телеграм-каналов. В груди моей стучал Проханов, но туловище моё было из глубинного русского народа, провинциями были мои бока и внутренние органы. А ногами — гастарбайтеры, курьеры «Яндекс-еды» и таксисты «Яндекс-такси», они были моими ногами. И каждая бабушка в каждой заброшенной деревне жила во мне, была частью моего тела. Но не только люди, а и лисы, и волки в лесах, и каждая корова на ферме, и каждый зайчик, и бабочка, и тропинка, и лесок, в поле каждый колосок, речка, небо голубое — это всё моё, родное, это родина моя, это я. Интеллигенцию я тоже почувствовал: она была вязкой субстанцией, которая наполняла мой кишечник и, уже по пути сжигаясь, рвалась на выход. Я почувствовал свой анус в районе погранперехода Верхний Ларс. Домодедово и Шереметьево были моими ртами, через которые устремилась блевотина, называвшая себя моей элитой. И я чувствовал боль. Между моими рёбрами терриконов Донбасса какой-то урка воткнул заточку и поворачивал её, поворачивал, роняя в Чёрное море пену своей слюны, текущей от возбуждения. Так я понял душу войны. Но я не смогу объяснить. И ты не сможешь понять. Пока не узнаешь себя маха-пурушей, Адамом Кадмоном*. Я узнал. Был ли причиной тому золофт, который я снова стал принимать, или мантра-медитация, или работа над Вишну-пураной, или,

может, просто я — избранный, я и есть душа России и душа войны, моя и твоя душа? Или в честной капле моря отражается всё море — те же порции воды и соли, только надо быть честным, признавать себя каплей народного моря, а не ох...енным супериндивидуальным бариста, забитым татухами по самую ж...пу, оригинальным обладателем айфона и х...йфона, лактовеганом и наркоманом, совратителем тёлочек и ох...енным (я уже говорил, что я ох...енный?) стартапером, который собрал сумочку и на скутере покотил в сторону Верхнего Ларса. Все мои собственные проблемы стали неразличимы. С высоты взгляда космической личности их было просто не разглядеть. Кажется, у меня когда-то был депрессивный эпизод. Потому что моя любимая мне изменила или потому что моя жена меня бросила и ушла со своей любимой, да, любимой, я не репутал, вернее, это я ушёл, а она осталась. Да, у меня ещё не было денег. Зато были диабет, остеохондроз и гипертония. У меня. У Адама Кадмона. Ну да, ну да. Дело не в золофте. Я всегда повторял и повторяю: дело не в препаратах, а в культурном бэкграунде и идейной подготовке. Например, Кастанеда. Он пришёл к Дону Хуану и говорит: дай мне мескалин**. Просто дай мне мескалин. Не е... мозги. Дай мне мескалин, и я сам всё пойму. Втащусь. Но Дон Хуан не дал ему мескалин. Что бы этот американский

Все мои собственные проблемы стали неразличимы. С высоты взгляда космической личности их было просто не разглядеть.

* Адам Кадмон (ивр. אָדָם קַדְמוֹן) — «первоначальный человек» или «проточеловек») — в еврейском учении каббалы название первого (высшего) из пяти духовных миров, созданных после Первого ради исправления Творения; совершенное существо, чью форму образуют десять цифр или сфер.

** Вещество, вырабатываемое кактусом Трихоцереус паханои, оказывает неблагоприятное воздействие на ЦНС, вплоть до паралича.

Одной из главных тем дискуссий в антропологии является город. Проблема города или урбанистический парадокс. На эту тему писали и высказывались чуть ли не все известные антропологи.

студент-антрополог увидел под мескалином? Концерт «Дип Пёрпл» в прерии, может быть. Или шабаш журнала «Пентхаус». Чтобы увидеть богов, духов, помощников и всякий тональ* и нагваль**, надо было сначала выучиться всему этому. Узнать. Как узнать труп в грудке тряпья. Чтобы почувствовать себя Россией, надо было много страдать и думать, как я. После 24 февраля я, как все, повис на каналах блогера из Сумской области и ещё пары блогеров, которые рисовали карты наступления и рассказывали о стремительных продвижениях российской армии. Не помню больше ничего, что происходило вокруг меня. Как я работал, ел, спал и совокуплялся. Наверное, совокуплялся. Но ничего не помню. Мой приятель Пётр перед 24 февраля исчез, сказал жене, что поедет в Баку проводить конференцию, что вернётся через неделю. Вернулся в апреле. Привёз фотографию себя в бронежилете, каске и с автоматом, под весенней берёзой в сумском лесу. Рассказывал, что ехали в нескольких джипах вслед за танковой дивизией. В Киев. Вместе с Князевым и другими местными политиками. Занимать офисы. Но что-то пошло не так. Встали надолго в каком-то лесу. Потом зашли в село. Пётр назначил себя новой администрацией и начал принимать граждан. Чтобы не скучать, пока не заняли Киев. А потом пришёл приказ возвращаться за ленточку. В Белоруссию. Я поехал за

ним в Минск. Вдоль железной дороги стояла искалеченная российская военная техника, эвакуированная с Украины. Жена от Петра ушла. Всех граждан, записывавшихся на приём к Петру в селении, которое месяц было российским, убили зондеркоманды татуированных рагулей***, а связанные трупы разбросали по обочинам и пригласили международных журналистов заснять свидетельства зверств российской армии. Трупы показывали крупным планом по всем телевизионным каналам мира, Пётр даже узнал двух своих добровольных помощников и нескольких посетителей, но не точно, может, показалось. Утром Пётр принимал коньяк, а вечером — виски. Но когда деньги кончатся, перейдёт на водку. Всё же русский человек, не хипстер какой-то.

* * *

Одной из главных тем дискуссий в антропологии является город. Проблема города или урбанистический парадокс. На эту тему писали и высказывались чуть ли не все известные антропологи. Но я изложу тебе основные мысли брошюры самоучки из Чечни Арсена Мамакаева. Арсен родился в селении Автуры в 1983 году. Когда он должен был учиться в школе, как раз шла с перерывами русско-чеченская война, она же контртеррористическая операция. Школа работала тоже с перерывами. Мамакаев принадлежит к тому поколению чеченской молодёжи,

* В мифологии индейцев Центральной Америки магический двойник человека, появляющийся вместе с его рождением и имеющий с ним тесную духовную связь.

** В мифологии индейцев Центральной Америки дух-хранитель человека, териоморфный двойник. Нагваль и тональ чередуются друг с другом. Тональ — жизнь, сознание, нагваль — разрушение и смерть. Из нагваля выходит тональ.

*** Жаргонный термин, используемый городскими жителями Украины для обозначения жителя села, не усвоившего городские обычаи и культуру.

которое не училось нормально в школе. И далее Мамакаев никакого систематического образования не получил. Однако он, к счастью, хорошо знает русский язык. Что уже редкость в его поколении. Знание русского языка и любовь к чтению открыли ему доступ к самообразованию. Он, вероятно, много читал. Хотя и хаотично. И размышлял. Его полевым опытом в антропологии было исследование разрушения, опустошения и нового заселения города Грозного путём опроса бывших и настоящих жителей. Мамакаев начинает своё эссе с того, что по-школьному, довольно примитивно определяет разницу между социологическим и антропологическим подходами. Он пишет, что социология исходит из существования некоего социального организма, общности, как бы коллективного существа, бытие которого постулируется как аксиома и которого французский социолог Эмиль Дюркгейм считает реальностью, стоящей за религиозными понятиями бога, духа и всего прочего, вынесенного в психоаналитический контекст как суперэго, или фигура отца из Эдипового комплекса, но это не точно. А задача социологии — исследовать закономерности внутри этой реальности.

Таким образом, для социологии город не является настоящей проблемой, поскольку существование города или чего-то подобного презюмируется самим предметом

и методом этой науки. Однако для антропологии это вовсе не данность. Это как раз таки вопрос, парадокс и проблема — и город, и само коллективное существо, если оно действительно есть. Говоря очень грубо, метод социологии предполагает, что человек есть часть социума, что он как субъект возможен только в социуме, а следовательно, именно социум обладает примордиальным бытием, а человек произведен. Напротив, антропологический метод подразумевает, что весь так называемый «социум» находится только внутри человека, ибо больше ему находится просто нигде. И тогда сразу становится вопросом и проблемой: как именно и зачем человек вырастил внутри себя этот самый социум и зачем он построил города, в которых его социальность замкнулась, довела саму себя до абсурда и превратилась в собственную противоположность?

Но это мы забегаем вперёд. Любой уважающий себя антрополог должен начинать свой нарратив с палеолита. И Мамакаев, видимо прочитав не одну книжку по антропологии, это понял. В нижнем палеолите никакого социума не было. Были только стада архантропов, которые, будучи больны ОКР, долбили нуклеусы. И делали это малыми группами, которые, по сути, ничем не отличались от стад животных. Да и в большей части верхнего палеолита человек продолжал жить компактными семейными

Говоря очень грубо, метод социологии предполагает, что человек есть часть социума, что он как субъект возможен только в социуме, а следовательно, именно социум обладает примордиальным бытием, а человек произведен.

В первобытной группе специализация минимальна, каждый человек палеолита — универсальный солдат, Рэмбо, знает и умеет всё, но не только потому, что знания и умения ещё примитивны (они не примитивны), а потому что каждый человек сам себе — организм, а не орган.

(матрилинейными или патрилинейными) группами, инстинктивно сопротивляясь слипанию в большой социальный организм. А чем отличается социальный организм от группы? Специализацией. Организм состоит из органов, органы определяют функцию. Ногами мы ходим, глазом мы смотрим, половым членом мы совокупляемся. Мы не можем ходить глазом, смотреть членом и совокупляться ногой. В первобытной группе специализация минимальна, каждый человек палеолита — универсальный солдат, Рэмбо, знает и умеет всё, но не только потому, что знания и умения ещё примитивны (они не примитивны), а потому что каждый человек сам себе — организм, а не орган.

Итак, человек сопротивлялся слипанию в социум. Малочисленность групп людей объясняют чисто экономическими факторами: размером угодий для охоты и собирательства и так далее. Но Мамакаев считает главной причиной психологический страх человека перед потерей своего «Я» в коллективном субъекте. Таким образом, чеченский самоучка ставит всё с ног на голову. Обычно считается, что в примитивном обществе личность не выделена из коллектива, а весь прогресс человечества — это возвышение индивидуального начала над коллективным, каковое (возвышение) достигло своей высшей точки в современном капиталистическом обществе, из-за чего

Фукуяма, когда атавизмы советского социализма и коммунизма были преодолены, провозгласил конец истории. Мамакаев, напротив, считает, что человек верхнего палеолита был максимально самодостаточен, индивидуален и субъектен не только в плане универсальности своих компетенций, но и в самосознании, а так называемый прогресс заключается не только в повышении уровня и узости специализаций, но и в обаятельном при этом превращении из организма в орган и в утере субъектности, в первую очередь психологической.

Так, по Мамакаеву, были заселены все континенты Земли: человек бежал от слипания в ком социума, поддерживая дистанцию между группами и удаляясь в новые места обитания. Настолько велики были его зов и страх, что он отправлялся через горы, пустыни и океаны. Но что-то случилось во время пресловутой неолитической революции. Сначала возникли культурные центры, где, вероятно, дважды в год, на зимнее и летнее солнцестояния, собирались все окрестные группы. Например, мегалитический комплекс на Пузатой горе в Турции появился ещё в мезолите. Сам центр и сборища в нём, вероятно, были многофункциональными:

1. Проведение обрядов, ритуалов, календарной магии, чтобы обеспечить пропитание и процветание не только людей, но и всей экосистемы на следующие полгода.

2. Ярмарка, эквивалентный и неэквивалентный обмен вещами, потлач*.

3. Хорошие выпивка и еда.

4. Решение территориальных вопросов и претензий.

5. Слушание певцов, просмотр танцоров и веселье.

6. Оргия, свальный грех либо приобретение женихов и невест для своей группы.

7. Регламентированные или нерегламентированные драки, конкурсы, турниры, состязания, ритуальные поединки и битвы.

8. Разное.

* * *

После фестиваля группы расходились подалее друг от друга. Но начало слипанию было положено. Люди уже не только отталкивались, но и притягивались. Всего через несколько тысячелетий появились первые города. Вероятно, они возникли из таких фестивальных центров, которые перестали распускать. Фестиваль стал длиться вечно. Париж — это праздник, который всегда с тобой. В городе же и появился Левиафан социума, который сожрал человека. Но почему люди слипаются? Конрад Лоренц считает, что виной всему — страх. Он приводит в пример стаю рыб. Некоторые мелкие рыбёшки держатся большой стаей. По двум причинам. Во-первых, стая может показаться какому-то врагу единым большим и страшным существом. Во-вторых, в мерцающей стае шанс каждой рыбёшки выжить, как ни странно, больше, чем

в одиночку. Хищник дезориентирован. Вроде бы вот — целая куча еды. Лови кого хочешь. Но, чтобы охота была успешной, нужно видеть конкретную цель. А это непросто, когда они все одинаковые и мельтешат. В результате впарываешься в стаю с широко открытой пастью, а эта мелкота вся тебя обтекает. Так и в городе: человек надеется выжить потому, что его труднее найти врагу, налоговому инспектору или смерти. Мамакаев говорит, что всё не так просто. Мамакаев признаёт, что город существует как некая сверх- или квазиличность, и с этой личностью у горожанина устанавливаются созависимые отношения. Город — это абьюзер, но от него никуда не уйти. Серриал для домохозяек «Секс в большом городе» в оригинале назывался Sex & the city, и весь смысл в том, что именно с Городом у стареющих героинь романтические, а на самом деле токсичные отношения. Забавно, как Мамакаев вырулил в модную поп-психологию. Но я встретил Мамакаева в Сартане, где он и подарил мне свою книжку, а там было совсем не забавно, и в Мариуполе Мамакаев, видимо, проводил новые полевые исследования, прикрываясь службой в полку «Ахмат»: как и почему некоторые люди уезжают, а другие — нет, а третьи даже возвращаются в разрушенные города, без света, тепла и воды? В Северодонецке я был много позже, после боёв там оставалось десять тысяч из довоенных ста

...город существует как некая сверх- или квазиличность, и с этой личностью у горожанина устанавливаются созависимые отношения. Город — это абьюзер, но от него никуда не уйти.

* Потлач (на языке чинук означает «давать») — характерное для индейцев северо-западного побережья Северной Америки ритуальное уничтожение и раздаривание имущества. Потлач мог иметь светский характер, но иногда его приурочивали к зимним праздникам «посещения» людей духами.

тысяч, но пять тысяч ещё вернулись потом. Однако в Северодонецке хотя бы что-то осталось. Но Попасная! Город Попасная перестал существовать весной 2022 года. Его штурмовали два месяца. Нет, некоторые дома почти сохранились. Некоторые дома почти всегда сохраняются, даже в Дрездене и Сталинграде. Зеленский картинно сказал, что от Попасной не осталось даже пепла, но он лгал. Он не был в Попасной. Я был. Там остались даже некоторые здания. Но города больше нет. И не будет. Попасную не будут восстанавливать. Не проведут свет, воду и тепло. Не поднимут дома. Не почищают дороги. Может быть, просто снесут бульдозерами и разровняют место. Но пока, пока там ещё живут люди. Даже там живут. Один мужчина ехал на велосипеде. Они всегда здесь ездят на велосипеде. Ты идёшь в колонне по военной дороге, а по обочине всегда едет кто-то на велосипеде. Из одного мёртвого города — в другой. И в самом мёртвом городе тоже едет. По каким-то своим делам. За водой, едой или навещать кого-то. Кто тоже здесь живёт. В какой-то халупе, забив окна без стёкол фанерой, разводя огонь на полу. Скоро зима. Они все погибнут. Они все погибнут, если не выберутся туда, где есть электричество и отопление, где работают магазины и выдают хоть какие-то пенсии или пособия. Или в деревню! Деревня может стать спасением. Автономное печное отопление.

Но вот он едет, странный человек, едет на велосипеде по своему мёртвому городу. Он не хочет, чтобы город умер без него. И сам не хочет умереть без города. У него токсичные отношения. Или любовь. Или это одно и то же.

Дрова вокруг: деревья — руби не хочу. В огороде картошка, в подвале закатки. Но вот он едет, странный человек, едет на велосипеде по своему мёртвому городу. Он не хочет, чтобы город умер без него. И сам не хочет умереть без города. У него токсичные отношения. Или любовь. Или это одно и то же.

* * *

Сейчас я волонтер, гуманитарщик, в моём телеграм-канале сорок тысяч подписчиков, мой позывной — Фармацевт, и меня знают все генералы и полковники на Луганском фронте. Но так стало не сразу. Сначала я просто болтался как г...но в проруби. Не мог найти себе место. После Мариуполя я поехал в Херсон. Прямой дороги из Мариуполя в Херсон тогда ещё не было. Пришлось возвращаться в Ростов-на-Дону, оттуда ехать в Крым, до Джанкоя, а там, в Армянске, переходить границу. Но сначала мы с Мариной приехали в Донецк. Первым делом мы пристроили тварь. Оказалось, что в Донецке есть целый специальный кошачий приют для пострадавших от военных действий котов и кошек. И Марина его курирует. В приюте сильно воняло кошками. И я почувствовал зуд в нёбе, словно наглотался мелкой кошачьей шерсти. Аллергия. Я сказал Марине: спасибо за то, что не бросила меня в Мариуполе. Она вздохнула и сказала: не за что. Береги себя. Ты милый. И я понял, что в глазах Марины я — такой же

бездомный кот. Старый, облезлый. Где-то внутри, наверное, большой и раненый. И что она подобрала меня в Мариуполе так же, как тварь. Из чистого сострадания. Но мне не было обидно и стыдно. Наоборот, мне стало спокойно и хорошо. Я подумал о том, что этим и должен заниматься человек на войне: спасать кошек. Или кормить голубей. Все мы друг другу — облезлые кошки и голуби.

* * *

...Помню, как в солнечном Херсоне мы занимали здание Министерства финансов. Оно было брошено, пусто, закрыто. Мы взяли ключи в коммандатуре. В коридорах и кабинетах царил идеальный порядок. Словно служащие просто ушли на выходные. Но они не ушли на выходные. Они эвакуировались на Украину. Либо, оставаясь в Херсоне, перестали выходить на работу. За выход на работу при российской администрации — уголовная статья и пятнадцать лет тюрьмы. Хотя какая там тюрьма? Кто до неё доживает? Просто забьют до смерти в СБУ и прикопают труп в овраге. Или ещё заставят послужить неньке после смерти — сыграть мирного жителя, убитого россиянами. Или, наоборот, оденут в российскую форму и предъявят как двухсотого оккупанта. В кабинете я нашёл удостоверение на имя Володимира Никитенко. Никитенко на фотографии был удивительно похож на меня. И несколько брошюр на украинском про что-то

идеологическое. Мы снимали со стен жовто-блакитные флаги и вешали свои, гуманитарного штаба. Я сфотографировался в министерском кабинете, в кресле министра. В каске, бронице и с автоматом. Это был самый весёлый день в моей жизни. Я нашёл кабинет, выходящий окнами во внутренний дворик. Дворик был итальянский, с итальянскими стенами, обвитыми плющом и виноградом. Залитый солнцем. Херсон был маленькой Италией. Островом Капри. Я вышел на балкон и зажмурил глаза от счастья.

Нам, русским, давно нужен свой «дранг нах зюйд»*. Нам не хватает тепла и солнца. Мы устали жить в белых снегах вечной зимы. И в мёрзлой слякоти устали мы жить. И под серым низким небом Петербурга. Нигде нет неба ниже, чем здесь. Мы устали. Когда-то мы были сильны и бодры. Мы были молоды. Нас тянуло в холода и морозы. Мы освоили Север и Сибирь. В 1924 году мы подняли флаг Советской России на острове Врангеля. Но это было начало конца. Мы истощились. Мы составились под нежным солнышком. В сказочные советские времена миллионы советских людей каждый год устремлялись на юг: в Сочи, Крым, Скадовск. В Грузию. Летели самолётами и ехали поездами, по путёвкам и дикарями. Пляжи Сочи летом были набиты голыми советскими телами как бочка — сельдью. Мы думали, что это очень мило. Но это было некомфортно

Я подумал о том, что этим и должен заниматься человек на войне: спасать кошек. Или кормить голубей. Все мы друг другу — облезлые кошки и голуби.

* Натиск, поход на юг (нем.).

Потом появились деньги, и русский человек опять потянулся к Чёрному морю. Но было уже тесно. Раньше было не тесно, а теперь стало тесно.

и негигиенично. Просто раньше мы и так не могли. Только при советской власти рабочие люди Петербурга, Мурманска, Архангельска и Нарьян-Мара смогли раз в году поехать на настоящее, не Белое, море, купаться и впитывать в себя солнечную нежность солнца. Некоторые успевали накопить деньги с северных надбавок и покупали свой собственный домик на Черноморском побережье, куда переезжали жить, выйдя на пенсию. И строили рядом с домиком пару-тройку сараек и курятников, которые сдавали отдыхающим. Такова она и была, советская американская мечта. Получать пенсию, жить у моря, сдавать курятники туристам. Летом 1979 года мы с мамой приехали на поезде в Сочи. Папа приехал неделей раньше нас и должен был нас встречать на вокзале. Но папа не встретил. Мама со мной, с сумками и со злостью добиралась сама на троллейбусе. У остановки в мусорной урне мы увидели большой красивый букет. Мама сказала: «Смотри, кто-то цветы выбросил. Наверное, не встретил кого-то». Это был папа. Он не встретил нас, разминулись. Что-то там про пути и платформы. А сотовых телефонов не было. Папа и мама часа два ругались, а потом ворковали и целовались. Мы жили в курятнике. Во дворе росли хурма и лавр. Один раз папа сводил меня в ресторан, где мы ели бефстроганов и запивали боржомом. Обычно мы ели на кровати: расстилали газету

и раскладывали цыплят табака. Это были очень вкусные цыплята табака. Я целую жизнь вегетарианец, но тех цыплят я бы и сейчас съел. Запивая пепси-колой, которая тоже там, в Сочи, была. На море я научился плавать. Да, пляж был как бочка с сельдью, да, мы жили в курятнике, да, без «олл-инклюзив», но нам, б...дь, нравилось. И какое вы, б...дь, имели право это у нас отнять? Когда наступила экономическая свобода, мы много лет не могли поехать ни на какие юга и каждое лето бродили по мёрзлому Ленинграду, у которого даже имя отняли. И вроде где-то они были, эти юга. И вроде они даже были нашими. Да только глаза видят, а руки не дотягиваются. Потом появились деньги, и русский человек опять потянулся к Чёрному морю. Но было уже тесно. Раньше было не тесно, а теперь стало тесно. А ещё и берега отняли: Абхазия, Грузия, Украина. Какое-то таможни и пограничники. Вы серьёзно, б...дь? Нас привёл сюда Святослав Игоревич. «Дранг нах зюйд». Мы прибили щит на ворота Царьграда. Какие, на х...р, границы? Нам не хватает южных берегов. Мы вернули Крым. Но этого мало. Нам нужны Скадовск, Херсон, Николаев, Одесса. В Херсоне я встретил Василису. В один день я просто шёл по улице в центре и встретил Василису. Я вспомнил, что Василиса из Херсона. Они с мамой выехали в Россию, спасаясь от СБУ, когда Русская весна была задавлена

и активистов стали убивать. Распахнув глаза от удивления, я раскрыл объятия, и Василиса прижалась головой к моей груди. Да, с мамой приехали. Всё хорошо. Мы нашли работающий ресторан, заняли столик. Кухня была украинская. Василиса лучилась, я таял. Борщ и драники. Мы держались за руки под столом. Весёлые мужчины в штатском обедали за столиком у окна. Лопнули стёкла, и прогремел взрыв. Помещение искривилось, словно бы вот этот куб стал косым параллелепипедом, изогнулись стены, сбита штукатурка заполнила воздух. Я если и потерял сознание, то всего на минуту, или мне так показалось. Врачи, военные. Василисы не было. Я нашёл официанта и сказал, что мне надо оплатить заказ, что вот мы тут, за этим столиком, сидели с девушкой. Он сказал, что никакого заказа не было. И девушки не было, я пришёл один. Наверное, официанта контузило. Не работала связь. Я не мог позвонить Василисе. Но я не стал очень сильно волноваться, я подумал, что наверняка она ушла к маме, ведь это её город. Взрыв был единичным случаем. Херсон оставался мирным. Его взяли почти без боя. Ни воронок, ни выбитых стёкол, ни выщербин от осколков на камнях зданий колониальной архитектуры. Я так любил Херсон. Так хотел, чтобы он оставался живым и целым. Не как Северодонецк. Уехав в Россию, в зону действия своей сети и вообще туда, где есть

Интернет, я написал Василисе в вотсап наудачу. И Василиса ответила. Она сказала: нет, она не была в Херсоне. С бизнесом у неё всё хорошо. 26 февраля биржа закрылась на месяц. Она успела выйти в кэш за пять минут до объявления о прекращении торгов. Зафиксировала убыток в полтора миллиона и вышла. А потом всё вернула и заработала ещё больше. С помощью инвестора, который стал её мужем. Прислала фотографии со свадьбы. А многие обанкротились и самоубились. Но в Херсоне она не была. И вообще она не из Херсона, а из Скадовска. Я, наверное, забыл. Может быть, она специально так говорит? Может, это тайна? Ведь я видел её в Херсоне. Или это не Василиса, та, которая вышла замуж? Ведь там, в Херсоне, была Василиса настоящая. Был я. И был Херсон. А то, что сейчас, — это нам снится. Ведь этого не может быть. Город готовят к сдаче врагу. Вывезли даже памятники. Уехала администрация. В здании мародёры перевернули столы, опрокинули шкафы, разбросали бумаги. Нашли невывезенную оружейку, разворовали. По ночам на улицах убивают, насилуют и грабят. Выносят квартиры. Власти, армии, Росгвардии нет. 27 июля закрыли для проезда разбитый «хаймарсами» Антоновский мост. Эвакуируют паромами на Голую пристань. Мы были там последними гуманитарщиками. Медицину раздали в войска. Забрали имущество штаба. Город постарел. На его лице гримаса ужаса

Я так любил Херсон. Так хотел, чтобы он оставался живым и целым.

А реальность — вот она: отступление, порезанные покрышки, город Херсон, ожидающий авангарда нацистов на танках с белыми крестами и жёлто-голубыми флагами, которые снова поднимут над городом, словно всё так и было.

и морщины от обстрелов. Я нашёл тот самый ресторан, «Ностальгия». Ресторан работал. Теракт произошёл 7 июня. Ранения получили официант, две девушки и пожилая женщина. Ничего про мужчин в штатском, у столика которых произошёл взрыв. Мы заказали еду: борщ, драники. Когда вышли, увидели, что наш микроавтобус сел на ободья колёс. Покрышки были порезаны. Я видел убежавших партизан, выхватил из кобуры скрытого ношения свой Grand Power, выстрелил, но не попал. Или пуля из травмата не причинила подонку вреда. Электричество в городе очагами. Но мы нашли шиномонтажку, купили там подержанные покрышки и поменяли. Мы уезжали. Все уезжали. Кроме тех, кто ждал прихода Украины. Мой Херсон. Его сдадут. Разменяют в политической игре. А что дальше? Скадовск? Крым? Краснодар? Сочи? Нас выдавливают от тёплых морей в холод, снега и мёрзлую слякоть. Мы будем жить и умрём в Петербурге.

Или ничего этого не было? После я старался вспомнить, как выглядела Василиса, какая у неё была причёска. Ведь у неё могли быть косички, такие, школьные, ну, вы понимаете. Хвостик. Или распущенные волосы цвета воронова крыла. А во что она была одета? Иногда она, провоцируя меня, надевала юбку до колен. С высокими белыми чулками. Иногда — джинсы, обтягивающие бёдра. Я видел её домашней, в мягком

малиновом спортивном костюме. Хотя в Херсоне, скорее всего, она была в лёгком летнем платье. С вырезом на груди. В цветочек или крупный горошек. Вряд ли в туфлях, скорее, в белых кроссовках. Так в чём же она была? Я старался, но не мог вспомнить. Может, ничего и не было. Не было Херсона, штаба в денацифицированном Министерстве финансов, затрофейного удостоверения на имя Володимера Никитенко, референдума, присоединения Херсонской области — ничего не было, всё приснилось. Про взрыв в ресторане я узнал из новостей. А реальность — вот она: отступление, порезанные покрышки, город Херсон, ожидающий авангарда нацистов на танках с белыми крестами и жёлто-голубыми флагами, которые снова поднимут над городом, словно всё так и было. А Василиса мне показала или приснилась.

Во-первых, это не роман. Не повесть и не сборник рассказов. Это тетради. Полевые тетради по антропологии и психиатрии. Вот и всё. Если такого жанра в литературе нет, то мне плевать. Издатель всё равно где-то и что-то тиснет про роман, может, «экспериментальный», потому что он захочет продать хотя бы половину тиража, но мне плевать. Критики пробегут глазами по диагонали и ничего не поймут, где тут сюжет и эта, как её, арка героя, ну, как всегда. А молодые журналистки будут брать у меня интервью, прочита-

только статью обо мне в «Википедии»: расскажите, о чём ваш последний роман. Лучше бы брали в рот. Но это не роман. Это тетради. Во-вторых, это металитература. Постелитература, как метафизика. Литература о литературе. И в смысле метамфетаминов тоже. Как в Breaking bad. Синий мет. Но больше — про метформин. Потому что я сижу на метформине, у меня диабет второго типа. И ещё это про Meta — так стал называться Фейсбук* или нет? Помню, Василиса в начале 2022 года была увлечена, она говорила: ты не понимаешь, это не просто компания или бренд, это новая экосистема, за ней будущее. И покупала акции. Потом я спрашивал её: на чём заработала, на мете? Она отвечала: нет, мет я сбросила, теперь инвестирую только в отечественные компании. Патриотка. Звучало так, словно мы наркодилеры. Арку героя также называют дугой персонажа, это одно и то же, просто разные переводы английских слов. Я как-то решил прочитать самую модную статью про арку героя, на основе которой учат всех дурачков и дурочек, которые записались на курсы литературного мастерства. Статья оказалась такой скучной, что я не дошёл и до половины. Какими же скучными будут книги, написанные по её рецепту! У моего персонажа нет никакой е...ной дуги. Он просто живёт. Тетради — слепок его жизни, моей жизни. Вся жизнь человека происходит в уме. Поэтому вот

его ум, распотрошённый, вывернутый наизнанку. Если моя жизнь интересна, если мой ум интересен, то и тетради будут интересны, без всякой е...ной арки. А если я внутри себя неинтересен, то никакая арка не поможет. Курсы литературного мастерства просто зас...рают дурачкам и дурочкам мозги. Но иногда на таких курсах можно встретить молодую красивую девочку, как я встретил Василису. Поэтому пусть будут. 9 ноября мировой судья 205-го участка в Санкт-Петербурге принял к рассмотрению иск моей жены о разводе. Утром приходили тревожные вести с фронта. В районе Снигирёвки укроп прорвал оборону и закрепился на северной окраине города. Оборону держал 205-й полк. Я не знаю, зачем космос рифмует такие случайные вещи. Об этом рассказал заместитель губернатора Херсонской области Кирилл Стремоусов. К обеду его поправили: не 205-й полк, а 205-я мотострелковая казачья бригада. И прорыва никакого не было. Враг понёс большие потери в живой силе и технике и отступил на исходные позиции. К 16 часам Кирилл Стремоусов был убит. По официальной версии — в ДТП. Неофициально говорили о четырёх ножевых ранениях. В 18 часов генерал Суровикин доложил министру Шойгу о том, что Херсон и весь правый берег сдадут укропу. Русские уходят. Ровно через 40 дней после того, как Херсонская область была принята в состав Российской

Вся жизнь человека происходит в уме. Поэтому вот его ум, распотрошённый, вывернутый наизнанку. Если моя жизнь интересна, если мой ум интересен, то и тетради будут интересны...

* Запрещён в РФ.

Русские своих не бросают? Либо всё-таки бросают. Либо это были не русские.

Федерации. Из 160 тысяч жителей Херсона 80 тысяч эвакуировались на левый берег, 40 тысяч ждут возвращения Украины, а оставшиеся 40 тысяч не смогли или не захотели уехать и будут убиты, растерзаны, посажены в тюрьму или поражены в правах до конца дней. Русские своих не бросают? Либо всё-таки бросают. Либо это были не русские. Какая у Кирилла Стремоусова была арка? Работал в рыбной инспекции, состоял в оккультной секте, путешествовал автостопом по Америке. Участвовал в выборах, стрелял из травмата, боролся с прививками, проповедовал Русскую весну, весну священную. Когда мы пришли в Херсон, провозгласил себя заместителем руководителя ВГА и запретил на территории области сервисы Meta: «Инстаграм» и «Фейсбук»*. Каждый день говорил с народом. Вёл видеоблог. Обещал, что Херсон не сдадут нацистам. Россия здесь навсегда. Он умер за два часа до того, как решение было объявлено. Он не увидел позора. Мёртвые сраму не имут. Была ли у Кирилла Стремоусова дуга? У него были жена и пятеро детей, а дуги никакой не было. В январе 2022 года 205-я бригада совершила марш на полигон Николо-Александровский. После учений и боевого слаживания 205-я омсбр** (в/ч 74814) была отправлена в Крым и в марте 2022 года через Джанкой вошла в Херсонскую область. В июле бригада вступила в Снигирёвский район Николаевской

области и заняла оборону. 24 сентября 2022 года город Снигирёвка принял участие в референдуме и был включён в Россию вместе с Херсонской областью. 205-я казачья бригада имела в своём штате 3 мотострелковых батальона, 1 танковый батальон, 2 дивизиона самоходок, ещё 4 дивизиона и 5 батальонов, несколько рот и взводов обеспечения и даже оркестр. К ноябрю бригада была размотана, но сохраняла боеготовность. В Генической встретил раненого комроты. Мы были немного знакомы, встречались в Херсоне по делам снабжения. Он ещё не отмылся, был наспех перевязан, пах войной. Он сказал: мы же отбились! Мы отбились! У нас двухсотых столько. Но мы устояли. И тут приказ отступить. Зачем тогда? Ушли бы днём раньше. Была ли арка героя у казаков из 205-й бригады, убитых 8 ноября в тяжёлом, но победном бою за Снигирёвку, за день до того, как было объявлено решение Снигирёвку, Херсон и весь правый берег оставить и уйти за реку? Мировой судья провёл собеседование с моей женой, узнал, что у нас был спор об имуществе, но мы договорились, узнал, что я не возражаю против развода, но прошу провести заседание в моё отсутствие, так как нахожусь в другом регионе, передал адрес электронной почты, по которому мне следует выслать своё согласие, и назначил развод на 23 ноября. В Петербурге моросил мелкий дождь.

* Запрещены в РФ.

** Отдельная мотострелковая бригада.

* * *

Всё в мире происходит одновременно. В далёких североамериканских Штатах партия республиканцев на выборах в сенат получила на два голоса больше, чем партия демократов, а в конгрессе — двести семь против ста восьмидесяти трёх. Об этом весь день пел и плясал российский телевизор как о собственной победе и избавлении. Ни на одном шоу никто не говорил о том, что я официально расстаюсь с женщиной, в браке с которой состоял двенадцать лет. Никто не рассказывал про раненого комроты в Геническе, про отступление 205-й бригады изпод Снигирёвки и даже про то, что столица нового региона России, вместе с половиной региона, будет оставлена врагу. Слишком поздно. Я сидел за рулём своего потёртого внедорожника и плакал.

* * *

Князь Святослав Игоревич — первый русский правитель Киева и кумир украинских нацистов из полка «Азов». Он был приёмышем. Или бастардом. Его названной матерью, скандинавке Хельге, было 55 лет, когда у неё появился сын. Хельга была бесплодна. Она понимала, что муж её, князь Ингвар, не вечен. Когда он умрёт, не оставив наследника, княжеские столы Киева и Новгорода останутся пустыми и начнётся раздор между родичами Рюрика. А её отставят и выкинут. Но при сыне она могла бы быть королевой-матерью. Хельга купила

мальчика и назвала его своим сыном. Она купила его у славянской рабыни. Ну как купила — просто забрала, а саму рабыню взяла сначала кормилицей, а потом убила, чтобы мальчик не помнил настоящей матери. Эту рабыню брал на своё ложе немолодой Ингвар, и Хельга решила признать ребёнка сыном своего мужа и своим сыном. Ингвару решение Хельги показалось добрым и мудрым. Был ли Святослав сыном Ингвара от славянской рабыни или рабыня понесла не от Ингвара, а от другого мужчины, мы никогда не узнаем. Потом сам Святослав родит трёх сыновей, главного же, Владимира, который крестит Русь, — от рабыни. В истории семьи всё повторяется. Ингвар погиб через три года после обретения наследника. Хельга подговорила древлян убить своего мужа, обещая выйти замуж за древлянского старосту. Но когда задание было выполнено и древляне пришли за своим, убила древлян. При малолетнем Святославе, заявленном как сын Ингвара, Хельга стала править в Киеве. Но не любила мальчика и отравила его в Новгород. Святослав мачеху тоже не любил. А отца не помнил. Вырастили его славянские кормилицы, отчего князю родным стал славянский язык, а ведь его названные родители, Ингвар и Хельга, были норманнами и говорили на своём наречии. После кормилиц мальчик рос со своей дружиной в Новгороде. Дружина была из лихих наёмников, ЧВК «Вагнер».

Вырастили его славянские кормилицы, отчего князю родным стал славянский язык, а ведь его названные родители, Ингвар и Хельга, были норманнами и говорили на своём наречии.

И в двуглавом княжестве сложилось две партии: христианская, из греков и крещёных варягов, возглавляемая Хельгой, и языческая — из сохранивших традиционные верования варягов и славян, вокруг молодого князя.

Были в ней шведы и славяне разных племён, были готы и балты, и даже затесался один грек. Все, кроме грека, были язычниками. А княгиня Хельга тёрлась в Киеве с христианами и приняла их веру. Просила и Святослава, но тот отказался. Его дружинникам христианская вера казалась немного голубоватой. Ещё ведь не было Крестовых походов и больших религиозных войн, и христиане не успели показать всему миру, что тоже могут быть кровавыми убийцами. Многие скандинавы Киева переходили в христианскую веру. И в двуглавом княжестве сложилось две партии: христианская, из греков и крещёных варягов, возглавляемая Хельгой, и языческая — из сохранивших традиционные верования варягов и славян, вокруг молодого князя. В 22 года Святослав собрал свою ЧВК и начал «дранг нах зюйд». В последующие несколько лет он уничтожил Хазарию, победил племена Волги, Вятки и Северного Кавказа и оккупировал Болгарию. Когда Святославу исполнилось 27, старая ведьма Хельга наконец умерла. Можно было вернуться и править Киевом. Но князь не любил ни холодный Новгород, ни слишком еврейский и греческий Киев. Ему нравилось в Болгарии, на берегу тёплого Чёрного моря. Трёх малолетних сыновей он рассадил на столы: в Новгороде, Киеве и Древлянской земле, а сам вернулся в свою новую столицу, Переяславец, что на Дунае. Из Болгарии он

пошёл на Фракию, провинцию Восточной Римской империи. Император Иоанн Цимисхий разбил войско Святослава и принудил его уйти из Болгарии, впрочем, заплатив репарации и возобновив мирный торговый договор. Когда возвращались по Днепру, князь отправил домой большую дружину с воеводой Свенельдом на конях, а сам с малой дружиной шёл на ладьях, чтобы не оставлять золотовалютные резервы. У порогов близ нынешнего села Ненастьец (возможно) печенеги, которым весть о лёгкой добыче передали римляне (или болгары), напали на Святослава с дружиной и всех убили. Князю было тридцать. Раньше, перед битвой с византийцами, Святослав якобы сказал: мёртвые сраму не имут. Но «азовцы» не стали героически погибать, а эвакуировались из катакомб «Азовстали» в плен. Правда, ненадолго. Скоро их выпустили и с почётом увезли в Украину. В 2015 году, владея Мариуполем, «азовцы» снесли памятник Ленину на площади Свободы. По проекту одного из «азовцев» его отцом, скульптором, был изготовлен огромный памятник князю Святославу и установлен на площади. Но простоял лишь до 2019-го, когда был убран при реконструкции площади. Потому что был некрасивым. В 2022 году русская власть вернула площади имя Ленина. А скульптуру Святослава не нашли. Да и не искали. Говорят, она стоит в одном из ангаров «Азовстали».

Украинцы считают своим тотемом и мифическим первопредком князя Святослава. Его же рисуют с казацкими усами и оселедцем. Хотя он называл себя и летопись его называет русским, имея в виду скандинавские корни, так как Русью называли скандинавов, но я не буду вдаваться в эту тему. Считают и считают. На то он и тотем. Потомками Святослава были русские князья и цари вплоть до Василия Шуйского, правление которого закончилось в 1610 году. А вот тотем русских, российских — до сей поры унаследованный от советских времён дедушка Ленин. Украинцы сносят Ленина и ставят Святослава. Хотя чаще — Бандеру. Но Бандера — тотем западнцев. Надо понимать, что нацисты «Азова» — не западнцы и не всегда бандеровцы. Они с Восточной Украины, из Мариуполя и Донбасса. Есть из России, русские. И даже евреи из Израиля. В детстве князь Святослав был моим светлым кумиром. Строки летописи о нём я учил наизусть. Ненавидел подлых римлян и жестоких печенегов. Радовался унижению хазар. Все походы и сражения помнил назубок. И то, что он ел в походе конину, а спал, положивши под голову седло. У меня не было ни конины, ни седла, но я мечтал совершать аскезы и сражаться, как он. Я ощущал в себе его кровь, слышал его зов «дрангах зюйд»: на юг мы должны прийти, но не гостями и не туристами, а весёлыми оккупантами. «Почувствуй себя

оккупантом!» — сказал мне товарищ в Херсоне, когда мы занимали Министерство финансов; я почувствовал, и это было хорошо. Сейчас же я вижу другого Святослава, несчастного мальчика, полного незакрытых гештальтов и детских травм. Его родную мать отняли от него и убили, вероятно, когда ему был год или два, самое большее — три, сразу после смерти отца, если Хельга боялась убивать её, пока Ингвар был жив. Мачеха, убившая и отца его, и мать, его самого никогда не любила, а только использовала — как формальный повод сидеть на троне: так ведь до неё и Хельги Вещий сидел при малолетнем Ингваре Старом. Он был несчастен и болен. Он не вывозил эту жизнь. Его вёл танатос, само-разрушение. Он искал смерти. Потому и отправлял врагам эсэмэску: иду на вы. Потому и пошёл на Рим, когда идти на Рим было чистым самоубийством. Потому и Свенельда отправил с большой дружиной в Киев, а сам с малой дружиной, смертниками, пошёл Днепром, где встретил смерть на порогах и наконец упокоился. Бедный, несчастный, больной ублюдок. Конченный психопат. Может быть, ему помогла бы гештальт-терапия. Может, химия. Но это не точно. Его поклонникам из «Азова» может помочь только пуля в мозг. Некоторых людей невозможно вылечить, а можно и нужно убить. Но кто я сам такой? Почему меня влечёт война и смерть? Почему я раз за разом выбираю

В детстве князь Святослав был моим светлым кумиром. Строки летописи о нём я учил наизусть. Ненавидел подлых римлян и жестоких печенегов. Радовался унижению хазар. Все походы и сражения помнил назубок.

Скоро царь печенегов сделает из моего черепа походный котелок. И там, где варились мои мысли, будет вариться тушёнка из армейского пайка. Вот и вся арка героя.

в жизни путь, где с наибольшей вероятностью достигну саморазрушения? Почему отпускаю Свенельда с большой дружиной в обход, а сам плыву на пороги? Разве мне недодали любви? Разве меня не любили мои бедные папа и мама? Разве женщины не любили меня? Каждая из пяти моих жён. Разве я сам не бежал от любви? Даже Василиса меня любила. Слишком много любви. Но я. Я не умел любить. А теперь поздно. Всё слишком поздно. Скоро мой последний развод. И Херсон отдан врагу. И Василиса замужем. И республиканцы победили. И пусть всё это кончится. Днепр передо мной, пороги, иду на вы, мёртвые сраму не имут. Скоро царь печенегов сделает из моего черепа походный котелок. И там, где варились мои мысли, будет вариться тушёнка из армейского пайка. Вот и вся арка героя.

* * *

Летом 2022 года я путешествовал из Херсона в Луганск. На штабной машине мы выехали из Херсона и погнали к Армянску. За рулём был Немец. Это позывной. Позывные часто так делаются. Француз, Араб, Испанец, Чечен, Серб, Абхаз. Необязательно носитель имеет прямое отношение. Но иногда — да. Немец был с Дона. Иногда ещё берут города — я знал двух Ташкентов. Требование простое: чтобы слово было понятное, разборчивое при связи по радиации. Немец ходил в разгрузке с гранатами, с АК на ремне,

пистолетом ТТ в кобуре. При этом не состоял ни в каком подразделении и нигде не служил. У него были удостоверение полковника НМ ДНР и номер телефона одного генерала ФСБ РФ, этого было достаточно. Он руководил гуманитарным штабом. Я шатался с ним как не пришей кобыле хвост. На блокпостах Немец не тормозил, поднимал только ладонь, и солдаты поднимали руку в ответ. Они были редкими, блокпосты, а вся область была пустынной, не насыщенной ни войсками, ни Росгвардией. Вялый фронт был далеко, не слышна была даже артиллерия. Немец говорил: не хочу вот так. Дадут мне роту резервистов. Скажут: воюй. Ни техники, ни амуниции. Взялся за гуж — так за родину, пи...дуй, помирай. Вон там у хохла опорник, штурмуй. Или встань здесь и собирай мины на голову. Нет, в п...ду такую войну. Навоевался. Хочу свой батальон собрать, чтобы нормально вооружить, подготовить и выполнять адекватные задачи. Мне же за каждого придурка солдата перед Богом на Страшном суде отвечать. Какого х...я, спросит меня Иисус Христос, ты, Немец, на штурме опорника роту свою положил? Думаешь, по х...й, новых намобилизуют? А пожалуй-ка, с...ка, в вечное пламя. И что я ему скажу? Смежники подвели? Иисус скажет: так вот же они. Вот твой сосед справа, вот сосед слева. В соседних котлах варятся. А ты за себя отвечай.

«Я сделаю свой батальон, тогда и пойду воевать», — говорил Немец. Он сделал свой батальон и теперь стоит на Кременной. Вчера располагу накрыло «хаймарсом». Но никого не убило. Немец везунчик. По дороге мы заехали в лагерь мотострелков. Ну как по дороге? Сделали крюк километров в пятнадцать. Немец вовремя свалил, ещё в августе, сделал свой батальон и отправился на северный фронт. Как знал. А тогда мы ехали вдоль полей. Вдоль полей ехали, помню. А что было в тех полях? Были ли они распаханы или засеяны? Что-нибудь там зеленело или колосилось? Не помню. Был июнь, да, кажется, был июнь. Должно было, наверное, что-то там такое зеленеть, да? Но я не помню. Не помню, во что были одеты поля Херсонщины. Может, и не было ничего? Может, мне всё приснилось, привиделось? Как Василиса. После, помню, ехал на Кременную и тоже были поля. Другие поля, северные. Вот эти поля помню. Они стояли неубранные. Это был октябрь, а поля не убрали, не скосили, не сжали. И вот это, оно, стояло такое на полях. Пшеница? Рожь? Овёс? Сухостой не очень высоких злаков. И поля были не золотые, нет. Они были такие, серые. Мокро-серые. Наверное, потому что их вовремя не убрали и злаки начали гнить на корню. Человек не убрал посеянные им злаки. Не до злаков было, слишком много зла: танки, артиллерия. Слово корову не подоили, и она

мычит, больно ей. Телёнка отняли, а сами не доят, молоко скисает в вымени, портится, корова болеет. Вот, думаю, как так? А если бы не было человека? Ладно — корова, а трава как росла бы? Вспоминаю: профессор Летин в вечной мерзлоте построил реконструкцию мамонтовой степи, где злаки были в человеческий рост. А не пропадали они, не сгнивали, потому что их ели, круглый год ели мамонты, бизоны и дикие лошади. Круглый год, понимаешь? Да нет, ни х...ра ты не понимаешь. Вот смотри. Значит, были такие злаки. Росли высокие. И всё лето скот ими питался. А зимой? А зимой в мамонтовой тундре выпал снег, но снег не высокий, потому что в Ледниковый период снега было мало, вода была скована льдами и осадки были незначительные, снегу выпадало, ну, наверное, на десять пальцев, а злаки — они стояли над снегом, как сено. Как заготовленное сено! И злаками этими питались всю зиму мамонты, бизоны и дикие лошади. Профессор Летин говорит, что дикого скота было очень много. Огромные табуны, большой плотностью, не то чтобы даже кочевали, а стояли по тундре. И хищникам не надо было никого там гонять по степи, ловить, они просто контролировали каждый свою территорию, защищали от других хищников, а добыча — она всегда была вот тут, под лапами и зубами. В общем, всем было хорошо. Это наш золотой век,

А тогда мы ехали вдоль полей. Вдоль полей ехали, помню. А что было в тех полях? Были ли они распаханы или засеяны? Что-нибудь там зеленело или колосилось? Не помню.

Или вот, например, мыши. Вместо мамонтов пока завелись мыши. Потому что мамонтов попробуй ещё воскреси, а мыши-полёвки тут всегда были, когда же не убрали хлеб, они за два месяца увеличили свою популяцию в двести раз: еды много, врагов нет.

ледниковый период, плейстоценовая саванна. Мамонты, значит, бизоны и дикие лошади. Последние дикие лошади водились на Украине. Где-то здесь, на Херсонщине. Хотя Херсонщина — это Россия, не Украина. Или нет. Злаки стояли, табуны паслись. А человек стал убирать злаки. Потом поле стоит голое. А скот — в коровниках. Теперь же злаки стоят неубранные. Нужно запустить бизонов, мамонтов. Лошадей. Мы вернёмся в золотой век, в плейстоценовую эру! Но нет лошадей, только танки едут, БМП, БТР, МТ-ЛБ, грузовики, внедорожники по грязи грунтовых дорог, вдоль полей, а то и по самим полям, подминая собой злаки. Или вот, например, мыши. Вместо мамонтов пока завелись мыши. Потому что мамонтов попробуй ещё воскреси, а мыши-полёвки тут всегда были, когда же не убрали хлеб, они за два месяца увеличили свою популяцию в двести раз: еды много, врагов нет. Хорошо мышам. Бойцы роют окопы, траншеи, блиндажи, а всюду мыши, мыши, мыши. Лезут в одежду, в спальники, грызут сухпайки, а если у какой техники предусмотрены внутри провода, то всё, пи...да той технике. Мышь попробуй ещё убей! Мышь умеет окапываться. Мобики не умеют, выкопают себе ямку глубиной ровно до х...я и лежат в ней. А мышь роет ходы полного профиля, блиндажи, землянки, лёжки, склады закапывает в землю на человеческого рост. Вот так они, на

северном фронте, на линии Сватово — Кременная стоят, батальон Немца, их, правда, в батальоне всего 140 человек, но если считать с мышами, то больше, с мышами их на целую дивизию наберётся, на дивизию полного штата. Батальон из 140 человек при штате в 500 — это ещё ничего, встречали мы и бригаду из 140 человек при штате в 3500. А тогда у Немца не было ещё батальона, и мы ехали вдоль полей в лагерь мотострелков. Немец привёз бойцам гуманитарную помощь — ботинки. Эти ботинки называют берцами. Мне видится берцовая кость, превращённая в дубинку, которой размахивает дикий человек плейстоцена. По мне, так ботинки — они ботинки и есть. Лагерь стоял посередине клубничной плантации. Многие сладостные гектары с парниками и снятыми парниками благоухали клубникой. Ягода уже налилась и поспела. Отправился гулять по плантации. Не мог удержаться — срывал алые сердца и так, не помыв ни рук, ни ягод, отправлял в рот. Тающее во рту блаженство. На плантации работали местные. Они собирали клубнику. Мы нашли какую-то начальницу и попросили продать нам четыре ящика. Она назвала цену в гривнах. У нас — только рубли. Хохлушка перевела в рубли по какому-то загадочному курсу, раза в два хуже обыкновенного. Мы заплатили и погрузили ящики. Мы уехали в Крым. В Крыму клубника продавалась на каждом углу.

Она называлась «крымская», но мы с Немцем уже знали, что вся крымская клубника делается в Херсоне. Кажется, все эти люди: местные сборщики клубники, хохлушка, официанты в кафе и продавцы в магазинах, прохожие на улицах Херсона — они знали, что мы здесь не навсегда. Они видели, что мы какие-то ненастоящие. Платим своими рублями, сколько ни скажут. Гуманитарку вручить пытаемся. И свои паспорта. Скоро, скоро вернётся Украина — настоящая, нормальная власть. Начнёт грабить, убивать и пытаться. Всё как положено.

* * *

Любишь ты катастрофизировать! Ты по левому берегу ехал? За Антоновским мостом? Значит, эта плантация до сих пор ещё наша. И сборщики, и хохлушка. И клубника. И мотострелки там же стоят! Всё в порядке. С левого-то берега мы не уйдём! У нас же там сейчас такие укрепления! Просто на правом берегу позиция была невыгодная, а тут-то наоборот! И давай уже, выделяй абзацы. Невозможно читать. А про мышей — хорошо, про мышей мне понравилось. Роман Луи-Фердинанда Селина «Путешествие на край ночи» вышел в Париже в 1932 году. Пишут, что тридцать процентов текста составляет ненормативная лексика. Не знаю, я не считал. У книги нет как такового сюжета. Сшивается текст только личностью рассказчика, лирического героя, которого зовут Бардему. У героя

есть как бы двойник, Леон Робинзон, который умирает. Судьба ведёт Бардему на Первую мировую войну, потом — в Африку, в Америку и возвращает в парижское гетто. Но никакой «дуги персонажа» нет. Он не меняется, не прозревает, не взрослеет, не проходит инициацию, не закаляется испытаниями, не познаёт ценность любви или, ну там, дружбы, например — ничего этого нет. Есть рваное повествование, разные стили и имитация разговорной речи, тем более ужасная, что роман был написан на французском языке, в котором есть канон (от канона автор, словно бы издеваясь, оставил простое прошедшее время). Пишут, что площадную ругань автор перемежает философическими размышлениями. Ну ОК. Мои тетради отличаются от «Путешествия...» только тем, что Селин был гениален, а я — му...к. Вернее, Селин тоже был му...к, но чисто по жизни: антисемит, гомотоб, криптонацист и мизантроп. Но в литературе он был светлым гением. А я по жизни — очень хороший человек. Я добрый, чуткий, отзывчивый, понимающий, всепрощающий, как, мать его, Марию — Иисус Христос. А в литературе — ничтожество. Селин был очень популярен и всё пытался как-то монетизировать свою славу. Он даже в СССР приезжал в надежде получить хоть какое-то бабло за переводы своей книги на русский язык. Но получил х...й без масла.

Но никакой «дуги персонажа» нет. Он не меняется, не прозревает, не взрослеет, не проходит инициацию, не закаляется испытаниями, не познаёт ценность любви или, ну там, дружбы, например — ничего этого нет.

Я не путешествовал в ад, когда я ехал в Херсон, мне казалось, что я путешествую за золотым руном, а когда возвращался, то словно бы золотое руно было на моих плечах, в моём багаже, в моём уме и в моём сердце.

Или как это ещё сказать, используя традиционные русские идиомы, непереводаемые на французский язык? Вернулся не солоно хлебавши. И настроил два мерзких памфлета про Советскую Россию. Впрочем, даже если бы русские дали ему денег, он бы всё равно написал про нас гадости. Такой уж он был человек! Жил и умер в нищете, как церковная крыса. Не как полевые мыши в Луганщине! Те живут и умирают во славе богатства и доблести, от обжорства и миномётных обстрелов. Скоро полчища мышей хлынут на украинские посёлки по ту сторону линии боевого соприкосновения и понесут голод, чуму, холеру и русский мир. «Путешествие...» Селина — это путешествие в ад собственной и любой другой человечьей души. А абзацев ни в жизни, ни в потоке ума нет. Всё идёт бл...ским сплошняком, такие дела, брат. Я не путешествовал в ад, когда я ехал в Херсон, мне казалось, что я путешествую за золотым руном, а когда возвращался, то словно бы золотое руно было на моих плечах, в моём багаже, в моём уме и в моём сердце. Мы расстались с Немцем в Армянске, пообедав в кафе украинской кухни (драники, борщ). Я взял такси и отправился в Джанкой, где сел на поезд до Каменска-Шахтинского. Была долгая остановка в Керчи, на новом вокзале. Потом поезд шёл по сказочному мосту через море, а я смотрел во все глаза. Сооружение казалось

призрачным, зыбким, хотелось впечатать его в память, потому что думалось, может, уже не придётся видеть его никогда. Русское слово «впечатление» этимологически совпадает с термином «импринт», который применяют в психологии и психиатрии. А в терминологии веданты есть понятие «санскара», что этимологически переводится как «соверше(ё)нное действие», но по смыслу — о том же самом, только ещё и в майя-сансаре, бесконечном количестве прошлых (и будущих) жизней. Случается, значит, с человеком такое событие, которое в нём застревает на всю жизнь (и даже не на одну) и формирует паттерны поведения. Веданта называет паттерны «васанами». Анри Годар считает, что Бардему движет стремление к саморазрушению, как князем Святославом, как мной, но это не точно. Какая санскара привела к формированию у меня васаны, разрушающей все мои семьи, одну за другой, и приводящей меня раз за разом на край ночи? Станислав Валерич как-то сказал мне, что это неважно. Даже если я буду знать — это мне никак не поможет. А помогут мне только две таблетки: Херсон и Харьков.

И Селин, и Ремарк рождены ужасом Первой мировой. Но Селин — это анти-Ремарк. По Селину, не ужас войны рождает больного ублюдка, а больной ублюдок рождает ужас войны и этот больной ублюдок — каждый из

нас, каждый человек. Война и всяческая мерзость вшита в человеческую природу, предустановлена. Лучше было бы человеку оставаться счастливым животным, но нет, он отрастил себе мозг и стал животным, несущим зло себе и всему живому. Война никогда не закончится. Война внутри меня. Хохла невозможно денацифицировать. Только убить. Но, убив хохла, сам становишься хохлом. У этой игры нет правил. Кольцевые дороги никуда не ведут. Был ещё Юнгер, но это уже совсем смешно — Юнгер. Первая мировая война родила современное человечество. Выковала наш мир. И кольца власти, и Средиземье, и всех драконов. Однажды начавшись, она уже никогда не закончится. В Первой мировой войне погибло десять миллионов солдат и одиннадцать миллионов мирных жителей. Впервые массово применялись пулемёты, авиация и отравляющие газы. Месяцами и годами стороны занимали одни и те же траншеи и убивали друг друга. Это был какой-то кошмар. После окончания войны прогрессивное человечество сказала: нет, никогда больше! Была создана Лига Наций, чтобы предотвращать войны, чтобы договариваться. Через двадцать лет прогрессивное человечество начало Вторую мировую войну, на исходе которой применило против самого себя ядерное оружие. Война на Донбассе началась в 2014-м. Восемь лет мы пытались её остановить.

Хоть о чём-то договориться. В результате в 2022 году начались военные действия другого масштаба. И это не предел. Люди не меняются. Всё те же большие ублюдки, что в 1914-м, что в 2014-м. В Каменске я остановился в отеле «Подсолнух». Есть кухня, можно самому себе приготовить еду, а я устал питаться не пойми чем. На рынке купил южные помидоры и сделал салат. Селин показал в «Путешествии...», что настоящий юг для европейца — это ад. Африка — ад. Жара, болезни, паразиты. И местные полулюди, полуживотные. Селин знал, что ад внутри человека, что человек носит свой ад с собой. Но он решил, что для европейца лучше свой, северный ад, слегка подмороженный. Такой, например, как Париж. Ха, Париж! Да Париж — это Сочи по нашим меркам! Настоящий северный ад — это город Санкт-Петербург. Что же по поводу Мурманска и Нарьян-Мара, то они находятся за границами человеческих адов. Херсонцы всегда казались мне не совсем людьми, потому что они были слишком южными. Настоящие люди, настоящие кроманьонцы — раса севера, раса холодного плейстоцена. Мы выживали в мамонтовой тундре. Х...р его знает, как. Правда, я не понимаю. Сейчас настанет зима, и люди в Северодонцке, в Попасной, около линии Сватово — Кременная если не уедут, то умрут. Потому что будет холодно. Человек не может жить без газа, света,

Селин знал, что ад внутри человека, что человек носит свой ад с собой. Но он решил, что для европейца лучше свой, северный ад, слегка подмороженный.

отопления и водоснабжения. Даже без канализации не может жить. А мы как-то выжидали в ледниковый период. Учёные объяснили: одевались в шкуры и грелись у костров. П...дѐж. Дайте антропологу шкуру и тлеющие угли для разжигания костра. Посмотрим, как он выживет в Северодонецке. А некоторые древние люди нашли убежища. Учёные так это называют — убежища. Места, где климат был более-менее. И вот там пережили ледник. От них произошли всякие хохлы, ливанцы, итальянцы и прочие народы средиземноморской расы. А теперь мы, северяне, устали. Мы тоже хотим в убежище. Немцы скупают квартирки в Испании, на Коста-дель-Соль. Русские вернули Крым и Херсон. Не будет никакого глобального потепления, будет новый ледниковый период. Моё путешествие: из Каменска я поехал в Изварино, прошёл границу и дальше — в Луганск. Летний Луганск — это плюс тридцать шесть, девушки в лёгких платьях на улицах и комендантский час по ночам.

* * *

У древних индусов юг — царство смерти. Восток — жизнь, север — мудрость, запад — богатство. А юг — смерть. Бардею, князь Святослав, немцы и я тянемся к югу потому, что подсознательно ищем смерти. Так и советский народ перед своей кончиной рвался на сочинские пляжи. И Россия начала свой «дранг нах зюйд» потому что. Так написал бы в своём дневнике Юнгер.

То есть мы все подумали, что это у махапуруши России рывок к солнцу, свету, битва за жизненное пространство. Эрос. А это был танатос.

* * *

Есть читательницы, которые говорят мне: ах, Юрий Борисович! Зачем вы пишете матом? Вы же умеете так светло, так лирично! Чистые души. Они не видят холодной, расчётливой технологии контрапункта в моём письме. Именно на фоне мата, грязи, насилия и порнографии изящным нежным цветком выглядит самое простое человеческое. Каюсь. Но разве Бог творит мир не по той же схеме?

* * *

Линия Сватово — Кременная, похоже, не устоит. Укроп взял под огневой контроль дорогу. И давит наших на восток и юго-восток, к Северодонецку. Как там Немец и его батальон? Помогают ли мыши или разбежались, или ушли глубоко под землю, переждать холода? Мы решили закупить термоэлементы. Незаменимая вещь для бойца, живущего в земляном окопе. Активировал, засунул под одежду — и три часа грейся. Как от кошки. Можно было бы ещё кошек выдавать бойцам вместо грелок. Мобилизовать всех тварей из приюта в Донецке, всех, которых насобирали там Марина. Пусть в окопах создают тепло и уют. А кормить их не надо, пропитание сами найдут. Там мышей — как лошадей и бизонов в плейстоценовой тундре.

Именно на фоне мата, грязи, насилия и порнографии изящным нежным цветком выглядит самое простое человеческое.

Нужно поделиться с Мариной идеей. Я повёз термоэлементы и заблудился. Не люблю об этом вспоминать. Кринж. Не люблю кринж. Терпеть не могу фильмы и книги, в которых юмор, например, или сюжет основан на кринже. В общем, я заблудился, выехал на серую зону. Почувствовал: что-то не так. Оставил машину и решил пешком осмотреться. А они возникли словно из-под земли. Прикладом в голову, повалили. Обыскали. У меня с собой случайно было это удостоверение херсонское, украинского Министерства финансов. Ну что, говорят, Володимир? Как тебя занесло? Я говорю: меня насильно вывезли, а я вот сбежал и теперь до своих пробираюсь. Ну пошли, говорят. И мы пошли. И тут эта ДРГ наткнулась на нашу ДРГ. Началась стрелкотня. А я сбежал. Это были люди Немца, они меня спасли. Я на машину и по газам, в сторону своих. В общем, кринж. А Немцу спасибо. Только бы немец выстоял. Немец, его соседи справа и слева, смежники — арты и танкисты. Каково им сейчас? Потому что осень наступила. И вот-вот зима. А летом было хорошо. Летом было тепло. Летом после Херсона я приехал в Луганск. Приехал наобум, наудачу. И сразу же в гостинице встретил Марину. Марина подхватила меня как старого, уже во всех смыслах старого, знакомого и вписала в гуманитарный конвой на передок. В «лендровере» доброго волонтера я сел на

переднее кресло, рядом с водителем, а Марина на заднем приткнулась к своему танкисту, лейтенанту, жениху. Она вылила свои длинные волосы на его плечо и сама где-то в них потонула. Даже не ворковала. Просто молча любила. Дыша терпким потом тонкой шеи и камуфляжной майки сублимированного лейтенанта. У них впереди было ещё два или три месяца жизни. В сентябре под Сватово танкиста убьют. А тогда, летом, все были живы. Мы приехали в танковый батальон. Танки стояли в бетонных ангарах давно заброшенного завода. В пятиэтажке неподалёку у бойцов была располага. Раньше прямо вот тут стояла рота нацбата, то ли «Айдар», то ли «Азова». Укропы отступили, и как раз шёл штурм агломерации Северодонецк — Лисичанск. Танки выезжали утром как на работу. Вечером возвращались, в дыму и гари. Выходили из железных коробок закопчённые танкисты и шли принимать душ. Как после забоя в шахте. Завтра они же или другая смена — снова в бой. Замкомбата рассказывал: я не хочу на передке жить. Там условий нет. Я лучше лишние полчаса проеду утром до передка, а вечером вернусь обратно. Тут у меня для батальона всё: помыться, постираться, поспать по-человечески, покушать. Помолиться. Танкисты были не простые танкисты, а донские, кубанские и терские казаки. Хоругви с ликами. «Любо, казаки?» — «Любо! Любо! Любо!»

Кринж. Не люблю кринж. Терпеть не могу фильмы и книги, в которых юмор, например, или сюжет основан на кринже.

Мэйби Бэйби. А может, нет. Но я думал о другом: Анна Ахматова, Николай Гумилёв, Сергей Есенин, Владимир Маяковский, да и Иосиф Бродский — все они вместе и каждый в отдельности умерли бы или убили за один-единственный день, один-единственный час, когда ты стоишь на танке и читаешь свои стихи солдатам, которые завтра утром уходят в бой.

Парадная форма с лампасами да шапкой-кубанкой. Всё как встарь. Всё как у Шолохова. Только вместо коней — танки. Т-72. Прислали пару Т-80, но они стояли в ангаре словно бы нераспакованные. Привыкли к своим. Видел, как любовно гладили машины по тёплой броне. Чуть не кормили сахаром с руки. Гуманитарный конвой привёз ящики с едой, коробки с амуницией, журналистов и культурную программу. Добрый волонтер достал из «лендровера» аккордеон и сыграл в ангаре что-то народное, знакомое. Танкисты похлопали. А Марина залезла на танк и стала читать стихи. Целая казачья танковая сотня стояла и слушала. Кто-то — из дисциплины и вежливости. Кто-то — с интересом. Кто-то — со слезами в продымлённых глазах. Может быть, на самом деле им больше зашла бы какая-нибудь Дора. Или Мэйби Бэйби. А может, нет. Но я думал о другом: Анна Ахматова, Николай Гумилёв, Сергей Есенин, Владимир Маяковский, да и Иосиф Бродский — все они вместе и каждый в отдельности умерли бы или убили за один-единственный день, один-единственный час, когда ты стоишь на танке и читаешь свои стихи солдатам, которые завтра утром уходят в бой. Я слушал и плакал. Но предательский старый мочевого пузырь подвёл меня и позвал в кусты. Я тихонько удалился. Потом ещё удалился. Вокруг ангара была целая рощица диких яблонь и каких-то колючих кустов. Я почувал запах

мерзости и решил, что, наверное, где-то там у танкистов отхожее место. Ссы в одно море, чтоб не было горя! Заметил лазейку меж кустов и зашёл на поляну, думая помочиться. Но увидел, что не фекалии источали вонь. На поляне было воздвигнуто странное сооружение из яблоневых веток, на котором пентаграммой головой вниз был распят зверёк, вероятно, кот, уже сильно разложившийся. Его брюхо было распорото и внутренности свисали чуть ли не до земли. Вокруг были неслучайные камни и просыпанные песком знаки. Всё это напомнило мне о каком-то обряде, про который я читал то ли в «Молоте ведьм», то ли в «Золотой ветви». Я бежал с поляны и помочился в другом месте, просто в кусты. И поспешил вернуться к людям, в ангары. Марину сняли с танка, поздравляли и обнимали. Я тоже хотел, но не мог, чувствуя себя очень грязным. Мне хотелось помыть руки после того, как я держал ими свой член, мочеиспуская. А ещё помыть глаза и вообще принять полное омовение, после того как осквернился, созерцая следы сатанинского ритуала. Но нашёл только бутылку с водой, чтобы прополоскать руки. Я думал: хорошо, что Марина этого не увидела. Марина всегда очень любила и жалела котиков. И даже у жениха её был позывной «Кот».

* * *

Однажды польский журналист Матеуш Лоховский

читал классическую работу по антропологии английского учёного Джеймса Джорджа Фрэзера «Золотая ветвь. Исследование магии и религии». В книге Фрэзера описаны тысячи обрядов и суеверий. Англичанин старается привести их в какую-то систему и показать, что все они так или иначе, прямо или косвенно, связаны в генезисе или являются отголосками базового изначального ритуала убийства бога. Это, конечно, очень упрощённо, но ведь он сам так пишет в предисловии к сокращённому изданию, вышедшему в 1922 году: книга проистекла из желания объяснить смысл культа Царя Леса и порядок наследования должности жреца Дианы в Ариции, каковой жрец должен был сорвать Золотую ветвь в священной роще. Матеуш читал полную версию. И наткнулся на описание обряда, который якобы бытовал среди крестьян одной области в Польше. И область была названа — это было родное Лодзинское воеводство Лоховского. Обряд был отвратительным и мерзким, Матеуша как католика (не сказать, чтобы очень ревностного, но всё же) всего передёрнуло и искобачило. И ещё было очень обидно. Потому что никакого такого обряда в своей родной земле он не знал и никаких следов его никогда не обнаруживал. Будучи дотошным журналистом, Матеуш провёл расследование, прошёлся по источникам Фрэзера. Оказалось, что англичанин основывал своё описание

на сообщении немецкого этнографа Рихарда фон Зада, который побывал в Польше и опубликовал в газете (в газете!) статью, больше похожую на памфлет, полную полонофобии. Это случилось ещё до Первой мировой войны. Польша тогда была в составе Российской империи, но имела довольно автономии и свою прессу. Польская пресса уже тогда отреагировала на памфлет фон Зада фельетоном польского этнографа Кароля Желотича, который выяснил, что над приезжим немцем просто поиздевались польские алкоголики. Они развели фон Зада на деньги и споили (за его же счёт) в кабаке, пообещав показать «старинный тайный обычай» лодзинских поляков. И потом разыграли с ним мерзкую сцену. Фон Зад же принял всё за чистую монету и составил «полевой отчёт», умолчав, однако, о той мерзейшей роли, которую он сам исполнял в этом «обряде». По всему выходило, что описанный Фрэзером ритуал никогда на самом деле не существовал, а был простым анекдотом. Но Матеуш Лоховский на этом не успокоился и стал изучать все обряды, о которых рассказывал Фрэзер, проверять источники и сверять с исследованиями настоящих этнографов и антропологов. Странно, что никто не сделал этого раньше. Все просто приняли книгу «Золотая ветвь» на веру. Она стала «библией» антропологии. Лоховский выяснил, что как

В книге Фрэзера описаны тысячи обрядов и суеверий. Англичанин старается привести их в какую-то систему и показать, что все они так или иначе, прямо или косвенно, связаны в генезисе или являются отголосками базового изначального ритуала убийства бога.

Так что теперь некоторые ритуалы, о которых рассказал Фрэзер и которых на самом деле никогда не было, есть.

минимум тридцать процентов обрядов, обычаев и суеверий, описанных Фрэзером, никогда и нигде не существовали либо не существовали в том виде, в каком они были описаны англичанином. Зачастую виноваты были недобросовестные источники: этнографы, путешественники, колониальные чиновники, писатели и прочие, для красного словца придумывавшие туземцам экзотичные ритуалы. Однако нашёл Матеуш и случаи, когда Фрэзер, видимо, сам просто сочинял описания несуществующих обрядов. Возможно, он верил в то, что такие обряды где-то существуют или могут существовать, потому что они отвечали его концепции, которую он пытался натянуть на антропологию, как сову — на глобус. Он полагал, что не выдумывает, а «реконструирует». Реконструктор х...ров. Лоховский посвятил разоблачению Фрэзера три года упорной работы и по результатам опубликовал книгу «Золотая ветвь: собрание предрассудков, фальшивок и анекдотов». Книга была издана в Польше. Автор пытался продвинуть её на международном рынке, но англо-американские хозяева дискурса не пропустили её к широкому читателю. Фрэзер остаётся классиком и авторитетом во всём мире, кроме Польши. Только в России издательство «Альпинист» купило права и издало Лоховского тиражом 700 экземпляров. Допечаток не было. Между тем

многие обряды современных «язычников», неоязычников, «реконструированы»... по описаниям из «Золотой ветви». Так что теперь некоторые ритуалы, о которых рассказал Фрэзер и которых на самом деле никогда не было, есть. Повторяется ситуация с сатанистами и «Молотом ведьм». Эту книжку придумал один неудачливый инквизитор по имени Генрих Крамер. После того как епископ Инсбрукский освободил женщин, обвинённых Крамером в колдовстве, и прогнал самого обвинителя из города за ложь и наветы на честных христианок, инквизитор засел за литературный труд и высосал из известного места описания колдовства и поклонения сатане. Впоследствии сатанисты стали руководствоваться большими фантазиями женоненавистника и охотника на ведьм в «реконструкции» своих «древних» ритуалов. Церковь Сатаны со штаб-квартирой в Сан-Франциско (смешно) является одной из официально признанных конфессий в США. После 24 февраля 2022 года сатанисты выступили с официальным осуждением вторжения России в Украину и заявили о поддержке борьбы Украины за свободу. Об этом сообщил телеграм-канал «ДК» (то ли «добрый католик», то ли «дохлый кот»).

* * *

Ну почему сразу «В стальных грозах»? А вот, например, «Опавшие листья» Розанова?

* * *

Помню, фотографировались с казаками-танкистами на память. Они были маленькие, щуплые. Мы, волонтёры и гуманитарщики, были все как на подбор жирные, крупные, отъевшиеся, раскочаные. А они были как дети. Испуганные чужие дети. Мы пожалы им руки, похлопали их по плечам, сказали типа ободряющие слова, сели на свои джипы и уехали. А они там остались. Каждый день умирать. Помню, они на нас так смотрели. С тоской. Как на воскресного папу. Папа приехал, конфеты и подарки привёз. И уехал обратно, к своей молодой жене. А детям нужно было другое. Нужно, чтобы он жил вместе. По-настоящему. Мне их глаза въелись в сердце. Кто теперь жив из них? Но мы потому и не пошли на эту войну, что с неё никак не съе...тсья. Именно в этом дело. Так-то мы все готовы не только на передок подъехать, но и пару раз в штурмы сходить. Если надоест, то можно сказать: аллес, братишки, я на выход. И за ленточку умотать. Мы ведь так и делали в 2014-м, 2015-м. Мы с Гошей, да и все остальные. Покуролесили, а потом в «отпуск» и не вернулись. Все так делали, все. А сейчас уже нельзя. Поэтому не, мы лучше погуманитарим. Повоенкорим. Я же честно сказал, да? Хотя мы могли вообще дома сидеть. И делать вид, что ничего не происходит. Но мы припёрлись, шныряем по обстреливаемым трассам,

между минами и ДРГ, что-то там куда-то довозим. Как-то вроде бы тоже участвуем. Но глаза танкистов горят в замуфлированной совести как угли ран.

* * *

Сейчас, конечно, стало смешно. Что ты не вывозишь? Что ты не вывозишь, с...ка? Ладно танкисты. Вот человек живёт в Северодонецке, в пригороде, в частном секторе. Без газа и электричества. Собирает дождевую воду. Он вывозит. А ты не вывозишь? Так отдай ему свою жизнь. Отдай паспорт, машину, ключи от квартиры, деньги. Ему нужней. Но я не вывожу. Теперь я не вывожу Херсон. Утром в голове полкатрена: «Мне приснился херовый сон, будто мы отдали Херсон». Дальше ни строчки. И так понятно. Милый мой, милый Херсон. Теперь ты дождливый, холодный, осень. Пишут, что сто горожан уже убитыми валяются по оврагам, ещё двести Служба безопасности Украины* пытается по подвалам, как молодогвардейцев. Безпечная служба. И все вы были так «безпечны». Мы же просили уехать. Помню, нам в штабе помогал один старик, белый и пушистый, как одуванчик. Сказал: куда я поеду? Я же грек. А я всё думал: причём тут это? В летнем светлом Херсоне, в Министерстве финансов, в мой кабинет через открытое окно залетела ласточка. Я головой покачал: недобрый знак. А Ксюша, волонтёр из местных, говорит: ласточка же! Хорошая птица.

“
Но я не вывожу. Теперь я не вывожу Херсон.”

* Служба безпеки України.

На удачу. Я говорю: нет. Когда дикая птица залетает в дом — это к беде. Древние греки говорили, что надо её поймав и намазать оливковым маслом. У тебя есть оливковое масло? Ксюша смеётся. И ведь я даже не узнал, эвакуировалась ли Ксюша, получила ли десять тысяч рублей и жилищный сертификат. Или она тоже гречанка? Ксения — значит чужая, это погречески. В овраге она уже или ещё в подвале? Ах, Херсон. Я обязательно вернусь к тебе. Если не в этой жизни, то в следующей. Наверное, я не одну уже жизнь верчусь в этой сансаре по-над Днепром, потому мне всё такое знакомое. Днепр, Днепр, Северский Донец, опять Днепр. Дон и Терек. Нева. Реки сансары.

Ах, Херсон. Я обязательно вернусь к тебе. Если не в этой жизни, то в следующей. Наверное, я не одну уже жизнь верчусь в этой сансаре по-над Днепром, потому мне всё такое знакомое.

* * *

Линия Сватово — Кременная ещё стоит. Мы не сдаёмся. Поэтому я хочу закончить тетрадь именно сейчас. Когда ещё ничего не понятно. Задним числом будет казаться: ну, это было понятно! Это было ясно как божий день! Иначе и быть не могло! Но это не так. Ничего никогда не было никому понятно. Вот сейчас — непонятно. Выстоит ли оборона по линии Сватово — Кременная? Войдут ли ВСУ в Белгородскую и Курскую области? Сдадим ли мы Энергодар и ЗАЭС? Оставим ли весь левый берег Днепра и уйдём ли в Крым? Сумеем защитить Крым или и Крым потеряем? Если вдруг не потеряем Крым,

сможем ли сохранить сухопутный коридор из России в Крым через Мариуполь? Отдадим ли Мелитополь и Мариуполь? Отступим ли из Луганска и Донецка? Будет ли потоплен весь Черноморский флот или не весь? Сами мы его потопим по результатам мирного договора или его потопит враг? Возьмём ли мы после полугодового штурма то, что останется от Артёмовска-Бахмута? Кто первый применит ядерное оружие, мы или НАТО? Когда в Стамбуле под патронажем Эрдогана будет заключён позорный для России мир? В 2023-м? В 2024-м? В 2025-м? Сколько ещё продлится эта война? Или Россия, управляемая самим Богом, чудесно воспрянет и одолеет супостата, подлую, постыльную Украину, и на поле боя, и на переговорном треке в Стамбуле? Когда всё уже случится, все будут говорить: ну я же говорил, так и получилось, я всё предвидел, я всё понимал! Это п...-дёрж. Ответственно заявляю тебе из прошлого: прямо сейчас, в преддверии будущего, никто ничего не говорит, никто ничего не предвидит, никто ничего не понимает. Мы ещё не открыли коробку с ампулой яда. И кошка ни жива, ни мертва.

* * *

И напоследок — самое страшное. Мне казалось, что я могу бесконечно хулить Бога. Иронизировать. Бог — это серотонин. Аха-ха. Архетип. Миф. ОКР. В лучшем

случае — такой вот пантеистический махапуруша, Адам Кадмон, мы все. Мне казалось, что у меня есть НЗ веры. Несгораемая сумма. Что внутри, в сердце сознания, я верю в личного Бога и знаю Его имя. И оно меня спасёт. И я никогда ничего не потеряю, потому что не потеряю главного. Ведь это прибито ко мне гвоздями. Или я прибит. Но сегодня я увидел, что мой брокерский счёт пуст. Я услышал маржин-колл. И моего депозита веры не хватит, чтобы заплатить по счетам. Похоже, что я банкрот. В пятьдесят лет я остался без семьи, без дела, без

профессии, без миссии и без веры в Бога. Шутки кончились. У меня теперь совсем нет веры в Бога. Ни в какого. Ни в тотем, ни в архетип, ни в принцип по ту сторону удовольствия, ни в атмана* и ни в брахман. И самое обидное то, что веры — нет. А Бог, кажется, есть. И я вижу наверное такое окошечко света. Или это кто-то распаковывает коробку. Но ампула в последний момент всё же разбилась. Привет, Бог! Я старался. Наверное, плохо и мало, но старался, как мог. И я не вывез. Извини. Никто не вывозит эту жизнь.

Привет, Бог! Я старался. Наверное, плохо и мало, но старался, как мог. И я не вывез. Извини. Никто не вывозит эту жизнь.

* Атман — одно из центральных понятий индийской философии и религии индуизма: вечная, неизменная духовная сущность, абсолют, осознающий своё собственное существование.